

Научная статья

УДК 101.1:316.653 + 124.5 + 008 + 94(470)“1930/1940” + 94(470)“1941/1945”

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.045

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДА В 1930–1940-е гг.

Роман Михайлович Николаев

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

r_nik81@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0147-8295>

А н н о т а ц и я. В статье дан анализ проблемы трансформации традиционных ценностей отечественной культуры в контексте критических условий военного столкновения. Показано формирование культурной идентичности общества на основе традиционных ценностей культуры. Рассмотрена проблема мифологизации власти с помощью традиционных символов культуры, представлена противоречивость их восприятия молодежью того времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: традиционные ценности; советская культурная идентичность; Великая Отечественная война; традиция и новация; персонифицированный символ

THE ROLE OF TRADITIONAL VALUES IN THE FORMATION OF THE CULTURAL IDENTITY OF THE SOVIET PEOPLE IN THE 1930s–1940s

Roman M. Nikolaev

Ural Federal University,

Ekaterinburg, Russia,

r_nik81@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0147-8295>

Abstract. The article analyzes the problem of the transformation of traditional values of national culture in the context of critical conditions of military conflict, and substantiates the formation of cultural identity of society based on traditional cultural values, considers the problem of mythologization of power with the help of traditional cultural symbols, and the inconsistency of their perception by the youth of that time.

Key words: traditional values; Soviet cultural identity; the Great Patriotic War; tradition and innovation; a personalized symbol

Изучение культуры прошлого важно не только как фиксация и осмысление набора исторических фактов, но прежде всего как ответ на вопрос настоящего и основание для будущего. Поэтому важно осознание того, каким потенциалом обладает отечественная культура и как он может быть востребован и творчески развит современностью. Исходя из этой позиции, общественный и научный интерес к историческому наследию и русской культуре представляется вполне объяснимым. Он продиктован, с одной стороны, желанием восстановить трагически разорванную в XX в. нить исторической памяти о тысячелетней культурной истории Руси — России, с другой — потребностью найти культурно-онтологические основания для устойчивого развития страны, шагнувшей в новое историческое время третьего тысячелетия.

Актуальность исследования традиционных ценностей отечественной культуры, репрезентированных в XX в., состоит в том, что именно в этот период вследствие радикальной социально-культурной модернизации они переживают свое «зановорождение», становясь вновь востребованными в формировании культурной идентичности советского общества в канун и в период потрясений Великой Отечественной войны.

Обращаясь к понятию «культурная идентичность», сразу стоит обратить внимание, что «идентификация» и «идентичность» — понятия нетождественные. Можно согласиться с М. В. Заковоротной, которая считает, что: «...идентичность включает в себя различные аспекты, а идентификация — описание таких аспектов. Идентичность — результат, ставшее, отстаивание и защита себя, идентификация — приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Потому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности» [Заковоротная, с. 38].

Процесс самоидентификации общества на основе собственных культурных традиций становится особенно значимым в экстремальных условиях военного столкновения. Страны одерживали победы в войнах во многом благодаря тому, что военнослужащие «интенсивно отождествляли себя с собратьями по оружию», пишет американский философ С. Хантингтон [Хантингтон, с. 50]. Пренебрежение данным культурно-антропологическим фактором ведет к невозможности формирования единого сознания в группе людей, что может привести к поражению.

По мнению исследователя, «...идентичность — это самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и вас от них» [Там же]. Данная установка присуща индивиду, участвующему в социальных отношениях, так как «пока люди взаимодействуют со своим окружением, у них нет иного выбора, кроме как определять себя через отношения к другим и отождествлять обнаруженные сходства и различия» [Там же]. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, «будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история» [Там же].

В связи с проблемой культурной идентичности интерес представляют и работы Э. Эриксона, посвященные данному вопросу. В научной практике имя этого исследователя традиционно связывают с распространением термина «идентичность». Рассуждая об историко-культурной идентичности, ученый отмечает, что человек — это не «археологический курган, где пласт идет за пластом, по мере взросления он делает свое прошлое частью всего будущего, а любую прошлую среду, с которой он взаимодействовал, — частью своего настоящего окружения» [Эриксон, с. 215].

Таким образом, обладать идентичностью — это значит быть неизменным в независимости от ситуации; ощущать связь собственной индивидуальной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми; воспринимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое; строить свой жизненный путь, сопротивляясь вызовам настоящего на основе прошлого, сохраненного в культурной памяти человека.

В процессе становления культурной идентичности необходимо понимание структуры традиционных ценностей культуры, а также диалога этих ценностей с культурными новациями рассматриваемой эпохи. В рамках осмысления понятия «традиционные ценности культуры» необходимо остановиться на самих понятиях «культура» и «традиция». Под термином «культура» мы будем понимать совокупность языка, политических, религиозных и общественных ценностей, а также социально-культурные институты и поведенческие нормы, в которых закреплены приоритеты конкретного общества.

Что касается феномена традиции, то он может быть осмыслен не как абсолютно застывший слой механически воспроизводимых образцов поведения, суждений, знаково-символических форм, а как живой, имеющий свою динамику процесс бесконечных интерпретаций подобных образцов, не отменяющий их в принципе, но постоянно воссоздающийся в новых проявлениях и выражениях,

адаптированных к современной социокультурной жизни. Исходя из сказанного, традиция уже не представляется некоей архаикой, так как «...каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и как бы перестает существовать. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться “как бы, не существующим” и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым» [Лотман, с. 200]. Так и элементы традиционной ценностной системы русского общества оказываются заново востребованы в предвоенные и военные годы благодаря их сохранности в культурной памяти народа.

Идентифицируя себя в контексте традиционных ценностей, человек выделяет культурное прошлое, причем далеко не все прошлое, а лишь некоторые его изображаемые сюжеты и персоналии. Таким образом, мы можем понимать традицию как феномен, обладающий универсальной формой и являющийся механизмом упорядочивания содержания культуры, что позволяет «рассматривать те смыслы культуры, которые содержатся в прошедшем апробацию опыте, но воспроизводятся в новых условиях не в качестве анахронизма, но в качестве элемента живой системы» [Костина, 2008, с. 39].

По мнению Г. Риккерта, традиционная культурная ценность определяет выбор исторически существенного, в каждом индивидуальном объекте выбирается только то, что имеет значение для культурного развития и в чем заключается историческая индивидуальность: «Лишь на основе обнаруживающихся в культуре ценностей становится возможным образовать понятие доступной изображению исторической индивидуальности» [Риккерт, с. 91]. И в этом качестве ценности являются важнейшим регулятором жизни общества. Традиционные ценности культуры носят характер «практического идеала, образца, в соответствии с которым субъект формирует себя и, сообразуясь с которым, действует в мире объективно возможного и существует всегда как система взаимосвязанных ценностей» [Захарченко].

А. В. Костина, исследуя «социогуманитарный» подход в изучении традиционной культуры, представляет традиционные ценности более эмпирично и конкретно — как «включающие “нормы-ценности-смыслы-символы” (представления о природе, космосе, месте человека в мире, религиозно-мифологические понятия об отношениях человека с некими высшими и низшими силами, представления об идеалах мудрости, силы, героизма, красоты, добра и зла, о формах “правильного” и “неправильного” поведения и устройства жизни, о служении людям, отечеству (буквально — стране, земле отцов) и др.» [Костина, 2009]. Данный аксиологический ряд воплощается, по ее мнению, в культурных текстах разной знаковой природы.

Рассматривая историю культуры нашей страны в XX в., следует отметить, что уже в довоенный период можно увидеть начавшийся процесс изменения отношения к своему прошлому. Здесь следует отметить «реабилитацию» ряда

символов традиционной культуры. Становится очевидным, что системе власти представляется невыгодным полное стирание прошлого в культурной памяти общества, так как это может привести к поражению в будущей «войне идеологий», какой и окажется Великая Отечественная война. Нация — это «сообщество с памятью» (С. Хантингтон), которое обречено на разрушение вследствие потери своей культурной памяти: без национальной истории, освящающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, т. е. без прошлого, не может быть и будущего, без национальных образов героев (наставников, передающих духовный опыт) и антигероев нет нации.

Уже начиная с периода Гражданской войны, историческое прошлое вычеркивалось из сознания советского человека, так как, по мнению идеологов партии большевиков, старая дореволюционная Россия с ее культурой была не чем иным, как «тюрьмой народов», которая должна быть сброшена с «парохода современности»:

Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?
Старье охраняем искусства именем.
Или
зуб революций ступился о короны?
Скорее! [Маяковский, с. 44].

Отказ от собственного прошлого, представление о культурном наследии как совокупности «темных веков» всей отечественной истории до 1917 г. были характерны для 1920-х и первой половины 1930-х гг. Однако уже в середине 1930-х гг. в советской культурной политике начинаются изменения, обусловленные внешнеполитической ситуацией: обстановка в мире становилась все более беспокойной. «Считалось, что мировой экономический кризис приведет к новой мировой войне. Особенно беспокоило распространение фашистских режимов, которые активно апеллировали к образам прошлого, доказывая особую роль арийцев, римлян, древних японцев в истории и “неисторичность” других народов. Нужно было дать им эффективный “историографический ответ”» [«В Иване Грозном диктатор видел частицу себя»].

Безусловно, отличительной чертой эпохи соцреализма являлась поставленная во главу угла идеология, но здесь следует отметить, «что идейный дискурс не является приметой исключительно метода соцреализма, он был наследован от традиций русской литературы и критики XIX века (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Г. В. Плеханов). Этому вопросу придавалось значение в рамках других культур и художественных направлений» [Булавка, с. 86]. Таким образом, почву и предпосылки для серьезного изменения в культурной политике нашей страны мы можем наблюдать еще до войны.

В использовании традиции в довоенное время особую значимость приобрели персонифицированные символы историко-культурного развития государства. Советский взгляд на персоналии прошлого, репрезентованный в кинематографе, живописи, историческом романе, «характеризуется высоким пиететом к “историческим личностям”, что было определено характером власти в эпоху, впоследствии обозначенную как “период культа личности”» [Добренко, с. 33].

В довоенный период на экраны страны вышли фильмы с доминирующей патриотической тематикой: «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941). Появились фильмы, не только посвященные военной тематике, но и затрагивающие проблемы осмысления предыдущего развития отечественной культуры, например, фильм «Первопечатник Иван Федоров» (1941). Вернувшись в советскую культуру через кино, исторические лица — прежде всего цари, князья, военачальники — выглядят сплошь «собирателями и защитниками русского государства, людьми небывалой отваги, государственной мудрости и политической дальновидности» [Раззаков, с. 104–105]. В данных образах нетрудно проследить черты, которыми советская пропаганда в предвоенное время наделяла «вождя народов».

Именно с появления Петра I в ленте В. М. Петрова начинается обращение к историческим именам в советской экранной культуре. Д. Л. Бранденбергер отмечает: «Хотя “Петра Первого” иногда называют не более чем апологией сталинского диктатора, на самом деле фильм преследовал значительно более широкие цели. В нем Петр изображен решительным, упрямым и беспощадным, однако эти качества полностью оправдываются преданностью и самоотверженностью в деле государственного строительства. Этот вывод способствовал развитию как нарождающегося этатистского курса, так и культа личности Сталина» [Бранденбергер, с. 108].

Однако существовали и утилитарно-прозаические причины популярности Петра в качестве пропагандистского персонифицированного символа того времени. «Будучи героем из далекого прошлого, — пишет Д. Бранденбергер, — Петр зачастую казался более “эпическим” и “легендарным”, чем современные знаменитости, отобранные из массы героев-стахановцев и командиров Красной армии. Кроме того, историческая дистанция оберегала Петра от разоблачения во время чисток как троцкиста или японского шпиона, — от того, что наносило непоправимый ущерб более традиционным видам советской агитации на основе прославления героев» [Там же, с. 72].

Хотелось бы особо выделить фильм 1938 г. «Александр Невский» С. М. Эйзенштейна. Картина актуализировала противостояние двух режимов, начавшееся в середине 1930-х гг. По всей видимости, не случайно был выбран и главный герой — победитель немецких рыцарей, образ, формирующий традиционную ценностную установку в контексте тогдашней политической ситуации. Данный фильм быстро находит обратную связь со своими реципиентами: после выхода фильма на экраны «...такого взлета патриотизма, какой советские люди испытали

после просмотра “Александра Невского”, в стране давно не было. В прессе было опубликовано около ста положительных статей о фильме» [Раззаков, с. 108].

Выход данных картин был ответом Германии и собственно кинематографу Третьего рейха с его антисоветскими и антирусскими фильмами середины 1930-х гг., в которых большое внимание уделялось собственной национальной мифологии. Немецкая культурная политика и кинопромышленность как ее важнейший инструмент были инициаторами создания произведений, которые «должны были способствовать возникновению у зрителей впечатления, что будто бы возвратились великие люди прошлого» [Васильченко, с. 36].

С началом Великой Отечественной войны, когда происходит уже прямое столкновение, эта тенденция культурной политики приобретает значительно более широкий характер. Здесь уже враг обозначен явно, и можно наблюдать, как в «войне культур» наша традиция выступает против традиции врага.

Таким образом, в произведениях советской культуры предвоенного и военного времени важна была также и идентификация врага, ведь негативный образ часто служил конструированию общей идентичности на основе отношения общества к своему противнику. Актуальность патриотических тенденций в советской культурной политике, которой, чтобы идентифицировать свою общность, были необходимы враги, Хантингтон объясняет так: «Потребность индивидов в самоуважении ведет к убеждению, что группа, к которой они принадлежат, лучше всех прочих групп» [Хантингтон, с. 56]. Английский историк Р. Кершоу пишет: «Веровавшее в Иисуса Христа войско, вторгшееся в Россию, мало чем отличалось от тевтонов XIII века, образы которых столь убедительно воссоздал Эйзенштейн в своем фильме “Александр Невский”. Фильм этот мгновенно нашел отклик в сердцах советских людей, оказавшихся перед лицом смертельной угрозы» [Кершоу, с. 327].

Советская пропаганда в первые же дни войны меняет характер и акцентирует внимание не на абстрактном образе врага — «германском империализме», а на образе, имеющем национальную составляющую, т. е. на «немцах» — «захватчиках», «разбойниках», «насильниках», «грабителях», «извергах», которые уничтожают нашу национальную идентичность. «Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циничскую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?» — пишет Алексей Толстой в своем фронтовом очерке «Только Победа и жизнь» [От Советского информбюро, с. 65]. Выражалась уверенность, «что достигнуть этой цели удастся при обращении к истории многовекового противоборства русских и немцев» [Синицын, с. 176].

Здесь следует оговорить тот факт, что далеко не все высшее руководство страны одобряло использование традиционных ценностей как необходимой составляющей культуры, роль которой состояла в воодушевлении людей

на борьбу с врагом. Некоторые представители власти считали, что «звериному национализму немецко-фашистских разбойников достаточно противопоставить развернутое знамя революционного пролетарского интернационализма» [Синицын, с. 15]. В их понимании акцент в пропагандистской риторике в столь критических условиях войны должен быть сделан на собственных персонифицированных символах. И они надеялись, что «вождь и руководитель обратится к великим именам Маркса, Энгельса и Ленина, к именам деятелей революции» [Там же, с. 16].

Несмотря на введение в советскую культуру элементов многовековых традиций, ортодоксальные представители партии не могли понять, «почему надо было выкапывать из истории Дмитрия Донского, Александра Невского и Суворова» [Там же]. Видя такую позицию, советское руководство в начале войны пыталось ограничить использование дореволюционных символов. Отбиралось лишь «то немногое лучшее», что было раньше, но в целом ретроспективный взгляд на историческое прошлое оставался неизменным: «В своих речах руководители партии иногда натянуто пытались сравнить фашизм с режимом дореволюционной России, напоминали, что “старая царская Россия была тюрьмой народов”» [Там же]. Здесь стоит отметить тот известный факт, что у многих представителей власти тогда еще оставалась вера в то, что по ту сторону фронта сработает классовый интернациональный фактор и немецкие рабочие и крестьяне повернут свое оружие против нацистов. Как известно, это было глубоким заблуждением.

Ведущаяся война все более становилась войной национальных культур, где национальная черта особенно подчеркивалась в пропаганде, отодвигая на второй план классовую: «Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. <...> И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца» [Сенявская, с. 261].

Вторым после кино характерным примером широкого включения элементов традиции именно в массовую культуру является изобразительное искусство, и прежде всего появившаяся в первые дни войны плакатная графика, где в рамках социалистического реализма ярко прослеживались элементы возвращения к персонализированным патриотическим символам русской культуры.

Так, советский плакат военного периода часто использовал образы и события дореволюционной истории как символическую основу в целях реконструкции самоидентификации человека. Как мы уже отмечали, для советской пропаганды это явилось неким откровением: до конца 1930-х гг. история СССР начиналась с 1917 г., предыдущие времена были сплошным смутным периодом, в котором не существовало ни одного государственного деятеля, заслуживающего уважения. Здесь необходимо отметить свойственную именно плакату особенность — в одном произведении могли присутствовать сразу несколько образов, причем образов различных эпох.

Можно выделить два основных направления в изображении персонифицированных символов на плакатах периода 1941–1942 гг.:

- Изображение древнерусских героев на заднем плане и советских солдат, идущих в атаку, причем первые показаны как скорее нематериальные объекты, образы, стоящие перед глазами современных воинов и вдохновляющие их. Сюда же относятся изображения поверженных врагов разных эпох, как прошлых, так и современной, подтверждающие славные страницы истории русского оружия. Примером могут являться плакаты В. С. Иванова «Нет такой силы, которая бы поработила нас» (1941) и «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (1941), Кукрыниксов «Наполеон потерпел поражение. Тоже будет и с зазнавшимся Гитлером!» (1942), «Так было... Так будет» (1941).

- Совместное изображение на заднем плане древнерусских героев, героев императорской России или Отечественной войны 1812 г., героев революции и Гражданской войны, а на переднем плане — солдат Красной армии современной эпохи. Здесь стоит отметить синтез персонифицированной ценностной составляющей дореволюционной традиции и ценностей молодой советской культуры (новации), которые становятся равнозначными по отношению к старым традициям в рамках воздействия на самоидентификацию современных солдат. К примеру, так воздействовал плакат Кукрыниксов «Бьемся мы здорово, колем отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева» (1941).

Нельзя не заметить, что пропагандистский плакат военной эпохи совмещает исторические образы разных времен. По известным причинам в период господства социалистического реализма такое было невозможно ни в кинематографе, ни в исторической живописи. Разные временные образы отображают единую вневременную универсальную ценность, которая является необходимой для внушения реципиенту конкретной деятельностной установки. Так, в каждом плакате В. С. Иванова, как правило, помимо самого изображения присутствует текст фразы, принадлежащей кому-либо из героев прошлого, и неизменная цитата Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ предков». Несмотря на то, что выделяется (как бы «первична») фраза героя прошлого, слова Сталина довольно красноречиво дают понять, что современная власть не устраняется из картины диалога прошлого и современности, напротив, она, в свою очередь, как бы задает курс, направляет развитие данного диалога. При этом, как отмечает Д. Бербер, «в артефактах советской пропаганды именно в начале войны обращение к персонифицированным традиционным символам является одним из основных сюжетов» [Barber, Harrison, p. 69].

С началом войны тема Родины, связи с предками в ее традиционном понимании, далеком от идеологической составляющей, зазвучала все более отчетливо и в отечественной литературе. В литературном языке заметны интонационные изменения, не характерные для предыдущих двух десятилетий развития советской культуры. Еще до войны в советской художественной литературе появились романы С. Н. Сергеева-Ценского, А. С. Новикова-Прибоя, посвященные подвигам дореволюционного военно-морского флота, а также произведения

о государственных деятелях прошлого — «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Дмитрий Донской» С. П. Бородина. Эта же тенденция сохранилась и во время войны, когда были написаны романы С. Н. Голубева «Багратион», Л. И. Раковского «Генералиссимус Суворов», был переработан роман-эпопея А. Н. Степанова «Порт-Артур». Необходимо указать и на то, что в довоенный период из системы образования не были исключены и многие произведения классической литературы: в школах изучались стихи Тютчева, Фета, Майкова, Лермонтова, Пушкина.

Стоит заметить, что традиционные персонифицированные символы русской истории не просто формально задавались, спускались в общество; они находили отклик среди людей того времени как реальные ориентиры самоидентификации. Приведем воспоминание Героя Советского Союза А. А. Аматыни об А. В. Суворове: «...и почти наизусть я знал жизнь этого самородка — величайшего полководца, его победоносные военные походы, афоризмы и т. д. В моем воображении он был каким-то особым, я бы даже сказал не человеком, а сверхчеловеком. Позже, когда я смотрел фильм о Суворове в прекрасном исполнении замечательного артиста Черкасова, мне казалось, что я его уже видел в собственном сознании» (цит. по: [Драбкин, 2011, с. 193]). Другой офицер, подполковник С. Баишев, признался, что долго размышлял над романом А. Н. Толстого «Петр Первый», который явился для него своего рода откровением: «Я изучал историю, прочитал много исторических книг, но настоящее представление об эпохе, исторических деталях, подлинное, ясное ощущение истории я получил только теперь» [Что я читал во время войны, с. 4].

Отметим, что образы прошлого были сохранены в культурной памяти народа, а отношения к событиям и символам истории носило также и географическую коннотацию. Так, в своих воспоминаниях о награждении орденом Александра Невского М. И. Сукнев отмечает неофициальное значение этой награды: «Тогда этот орден считался в Ленинградской области и в Прибалтике не ниже, чем звание Героя Советского Союза!» [Сукнев, с. 208].

Таким образом, обращение к традиционным ценностям представляется необходимым в условиях, когда становится понятно, что молодая советская культура (при всех достижениях последней) не обладает устойчивым духовным потенциалом для успешного противостояния чужой культуре в момент их столкновения. Культура не может развиваться без удовлетворения такой неотъемлемой антропологической черты человека, как потребность в передаче опыта, обучении у тех героев прошлого, которые на протяжении истории культуры в качестве личностей-символов пополняли ее ценностную систему.

Феномен поколения, на долю которого выпали военные испытания, заключается в неоднородности общественного сознания людей этой эпохи. Оно было сформировано в предвоенный период, когда «в массовом сознании и в социальной практике причудливо сплетались искренняя вера в социалистические идеи и психология страха, трудовой энтузиазм миллионов и массовые репрессии, вполне реальный советский патриотизм и худшие черты тоталитарного мировосприятия» [Сенявская, с. 173]. К тому же люди более старшего возраста были

привержены традиционному образу жизни, а младшего — социалистическим ценностным установкам.

Исходя из вышесказанного, стоит обратить особое внимание на процесс построения культурной идентичности у людей более молодого возраста, так называемых «ровесников Октября». Неверным было бы мнение, что обращение к традиции воспринималось и понималось исключительно положительно советскими людьми любого возраста. Перед войной, как уже отмечалось, происходит процесс складывания собственной советской идентичности, со своей зарождающейся традицией, героями эпохи и знаково-символической системой. Носитель культуры конструирует не только традицию, с которой он идентифицирует себя, но и «негативную традицию» (термин Е. Шацкого), от которой он отталкивается, ценности которой оцениваются отрицательно. При этом, как правило, негативное отношение к прошлому характерно для молодежи. Приведем лишь краткий пример противоречивого отношения к такому атрибутивному действию, как введение погон в Красной армии в 1943 г.

Этот традиционный элемент мундира напоминал о прошлых страницах истории русской армии, подчеркивал статус офицера, служил более четкому отображению военной иерархии: «Погоны придали облику военнослужащих более подтянутый и профессиональный вид, завершенность и красоту, возродив старые традиции в русской армии и флоте» [Дыгало, с. 253]. Отношение к погонам отметил в своем дневнике и военный корреспондент Л. К. Бронштейн: «Сегодня первый день ношения погон. Москвичи ходят и засматривают, офицеры горды» [Бронштейн, с. 98].

Между тем введение погон часто воспринималось отрицательно военнослужащими более молодого поколения, т. е. носителями ценностей новой социалистической культуры. Из воспоминаний Е. С. Пешкова: «И мне рассказывали, что, когда довели до нашего обоза, а у нас был такой ездовой Поталов — ездовой на боевой бричке. Участник Гражданской войны, буденновец. Здоровый такой донской казак, ух какой крепкий. Чем он у нас отличался, что всегда без погон. Сколько его не заставляли, он всегда отвечал так: “Хоть расстреляйте, но погоны я никогда не надену! Я рубил эти погоны в Гражданскую, а теперь мне их надевать?!”» [Драбкин, 2018, с. 233–234]. О подобном отношении к новым воинским атрибутам упоминает в своих воспоминаниях участник войны С. Г. Дробязко 1925 года рождения: «Вообще, к погонам и офицерам у меня было неопределенное отношение. Воспитанный школьной литературой на примерах из Гражданской войны, когда Красная армия боролась с белым офицером — “золотопогонниками”, — я трудно воспринимал последние перемены» [Дробязко, с. 144–145].

Таким образом, процесс обращения к традиционным ценностям не был переносом статичной и неизменной традиции на новую почву и не воспринимался одинаково всеми возрастными категориями населения. В поисках основания для новой культурной идентичности привлечение традиционных ценностей имело избирательный характер, аксиологический ряд подвергался переработке согласно потребностям новых вызовов исторического времени.

Произошедшая трансформация советской культурной идентичности с включением в ее аксиологический ряд традиционных элементов отечественной культуры способствовала предотвращению разобщения общества в тяжелейший военный период и имела важное значение в достижении победы над врагом. Отечественные традиционные ценности явились концептуальной основой становления новой культурной идентичности советского народа, которая в синтезе с социалистической ценностной системой и являла собой патриотическую установку на победу как на фронте, так и в тылу.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). Дополн. изд. СПб., 2009.

Бронштейн Л. К. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942–1945. М., 2007.

Булавка Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М., 2007.

Васильченко А. В. Прожектор доктора Геббельса. Кинематограф Третьего рейха. М., 2010.

«В Иване Грозном диктатор видел частицу себя». Сталин лично переписывал историю России. Зачем он это делал? URL: <https://lenta.ru/articles/2023/10/28/history/> (дата обращения: 10.03.2025).

Добренко Е. Соцреализм в поисках «исторического прошлого» // Вопр. лит. 1997. № 1. С. 33.

Драбкин А. Я дрался на танке. М., 2011.

Драбкин А. Кавалеристы. М., 2018.

Дробязко С. Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008. С. 144–145.

Дыгало В. А. Откуда и что на флоте пошло. М., 1993.

Заковоротная М. В. Идентичность человека. М., 2004.

Захарченко М. В. Культурно-историческая традиция. URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37922.php> (дата обращения: 15.03.2025).

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных. М., 2011.

Костина А. В. Национальная культура. Этническая культура. Массовая культура. «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2008.

Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. 2009. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (дата обращения: 12.03.2025).

Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1.

Маяковский В. В. «Радоваться рано!» // Маяковский В. В. «Во весь голос» : стихотворения и поэмы. М., 2021. С. 44.

От Советского информбюро : Публицистика и очерки военных лет. 1941–1945. М., 1982. Т. 1.

Раззаков Ф. И. Гибель советского кино. Интриги и споры. 1918–1972. М., 2008. Т. 1.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

Сенявская Е. Л. Психология войны в XX веке — исторический опыт России. М., 1999.

Синицын Ф. Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941–1945. М., 2010.

Хантингтон С. Кто мы? М., 2008.

Что я читал во время войны // Лит. газ. 1944. 7 нояб. С. 4.

Эриксон Э. Молодой Люгер. М., 1996.

Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025 г.